

Д ГОРОД

Мира Баук

Мира Баук Город До

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70585168

SelfPub; 2024

Аннотация

Пять коротких рассказов о городе – каким он был, о жизни – какой она могла бы быть, и о любви – какую никто не видел. © 2012

Содержание

Предисловие	4
«Счастливого пути»	5
«Новая власть»	8
«Одинокий воздух»	10
«Очередь»	14
«День Святого Валентина»	21

Мира Баук Город До

Предисловие

Этот текст был создан в 2012 году и представлен здесь в оригинальном виде. Его можно отредактировать и откорректировать ещё раз, и ещё, и ещё... а можно перестать шлифовать старые тексты, которые никогда не будут хороши на сто процентов, и наконец показать их людям, чтобы читатели познакомились с историей.

«Счастливого пути»

– А где она?

– Ушла.

– Что, совсем ушла?

– Нет, блин, вышла прогуляться с чемоданом!

– Поздравляю. Ты её потерял.

Сосуший звук гудящей пустоты вагона метро. Замерев, весь мир сейчас сосредоточился внутри этой пустоты. Вяло, скользко течёт время вокруг. Люди будто бы спят, устали от вечной гонки с жизнью. Устали бороться. Мы послали мир ко всем чертям и застыли в этом подвешенном состоянии. Всё. Баста.

Но вот вагон срывается, набирая под собой тонны кислорода, смешанного с пылью, и вылетает в длинный кривой, облепленный проводами тоннель. Размазано вспыхивают тусклые лампочки на его стенах. Они тоже устали.

Несколько минут – и она уже в центре города. Огромного, но именно сейчас такого тихого и малолюдного. Но те люди, которые остались в нём, так нелепо находятся внутри, каким-то ненужным комом, становятся поперёк не только горла, но и всей сущности сразу. Люди, что вам здесь нужно?

Тридцать, пятьдесят, да хоть сто рублей за чашку зелёного чая. Только бы не видеть, не слышать никого. Остаться

наедине с чашкой и писком вычислений счётчика кассы.

Редкие посетители не потревожат сейчас её. Она спит. Не реально, конечно. Она просто впала во внутреннюю спячку, зарылась у себя в голове, выпихнула изнутри сердце и неторопливо пьёт этот бессмысленный зелёный чай, который так фундаментально вжался в стенки чашки, будто он вовсе не чай, а желе.

М-да, декабрь закончился. Новый год, новая жизнь. Хороша новизна. Возможность выспаться. До всего остального уже несколько дней как нет дела.

Возвращать выплюнутое сердце? А смысл? Был бы тот, ради которого это делать. Не нужно слушать чужие советы. Изнутри виднее. Со стороны всё всегда только кажется. И вот так разрушишь остатки бывшего, а дальше-то ничего. Пустой белый лист. Хотя, собственно, почему белый? Такой же белый как этот растаявший снег за окном кафе. Цвета мокрого асфальта. Как мило.

Чай остывает, намекая на потерянное время. Бесполезно. Она любит терять время впустую. Иногда это просто необходимо. И чай она любит холодный. По меньшей мере, любила. Сейчас она вообще ни в чём не уверена.

Вернуть? Какой и в этом смысл? Снова тот же шаг сильной женщины и податливого мужчины... Мужчина-пластилин, тут не только верёвки вей, можно вообще всё что угодно смастерить – было бы желание. Вот желание-то как раз и пропало. Всё. Иссякли силы придавать форму. Таскать за

собой пластилиновый балласт она больше не может.

А новое? А новое как всегда прячется за завесой своей избирательности и нерешительности, боится, как бы не прогадать, не продешевить. Отвратительное качество каждого человека.

Вот так и висишь, не понимая, что людям от тебя нужно. Да и нужно ли вообще? Родители хотят, чтобы ты был счастлив. Другьям подавай зрелищ, а врагам – повод для пересудов. Совсем что-то невесело живется в наши дни. Хотя... так было всегда. Это она сидит сейчас над чашкой почти остывшего чая и изобретает велосипед.

А тот, который её потерял, даже не догадывается, что внутри неё в очередной раз происходит революция. Только вот на сей раз с переменой власти от сердца к разуму.

И все, кто на что-то рассчитывал, как всегда слишком не вовремя поймут, что упустили свой шанс. Упустили возможность.

И когда такой момент наступит, они будут спрашивать: «За что такой холод? Разве нельзя опять быть милой и ласковой?» И только новая власть будет расстреливать вернувшихся дезертиров, кающихся об упущенных возможностях.

Мы посмотрим ещё, кто кого. Время всё покажет. Для него это всего лишь ещё один миг в бесконечной линии жизни.

«Новая власть»

Удивительно, но даже не обидно, что никто не звонит, не ищет. Как странно чувствовать себя отпущенным на волю воздушным шариком. Летишь в небо, подхваченный невесомостью и только думаешь, когда же, скоро ли будет та граница, пройдя через которую, можно будет спокойно выдохнуть и лопнуть?

Да, лопну я, похоже, ещё нескоро. Мне пока ещё лететь и лететь. Пока, Земля... Ха-хах... Земля, видимо, сама в шоке, что ей посмели такое сказать...

Что за глупости. Земле нет до нас дела.

Ну улетела, лопнула, жалкие ошмёточки шарика опустились обратно на землю. *Finita la comedia*. А вот и не *finita*. Гелий вырвался наружу и смешался с разряжённым воздухом. Вот это настоящая свобода, а не сиделки, сжавшись, в тесном упругом шарике. Чем не радость?

Почему людям так долго и так тяжело нужно что-то объяснять? Вроде рассказываешь, а ведь они-то и не слушают. Они пропускают мимо ушей, пока с ними не произойдёт такая же ситуация, и они вроде и пытаются собрать сказанные слова по буквам, ан нет. Слова давно стёрты, смыты, сожжены и разбросаны пеплом по ветру. Счастливого пути!

Говорят, на ошибках учатся.

- Советую учиться на чужих ошибках.
- Желаю сразу выбирать правильный путь.
- Мы желаем сча-а-астья вам!..

ТЬфу. Глупость какая. Люди никогда не научатся на чужих ошибках. Люди никогда не перестанут совершать ошибки. Они обязательно будут делать свои и ещё более глупые. И только потому, что когда-то, сколько-то лет назад так и не научились слушать.

А может, оно и к лучшему. Свой опыт он всегда правильнее попадает. В точку. «И опыт, сын ошибок трудных». Отлично. Почему бы и нет? На то она и дана нам, жизнь, чтобы мы чему-то научились, чтобы поняли. Жить по проторенной дорожке скучно.

Надо быть первооткрывателем.

«ОДИНОКИЙ ВОЗДУХ»

Она сидела за шатким пластиковым столиком и неторопливо попивала свой остывший кофе. В почти безлюдном кафе стояла уютная тишина, и только мальчишечий, похожий на женский, голос несвязно звучал в пространстве подвешенного воздуха. Нелегко было разобрать, что он говорит, да и не хотелось.

«Ну его», – подумала она, – «Будто мне больше слушать нечего».

Но да, нечего. Она незаметно для себя в итоге поняла, что голос принадлежит иностранцу. Точнее человеку из Средней Азии. Но больше её это не интересовало. Она, уныло подперев щеку ладонью, смотрела в окно. Мимо быстро, увлечённые разговорами, проходили люди: парочки, семьи, студенты.

«Как им хорошо. Есть с кем поговорить».

Она ещё раз кисло посмотрела в чашку с холодным кофе и неудовлетворённо отодвинула её в сторону. Настроения не было. Оно тихонечко таяло и крошилось как снежок, оставленный в луже.

«Вот бы кто-нибудь подсел.... Представляю такую ситуацию».

В кафе входит молодой мужчина лет двадцати пяти, ма-

пинальными движениями стаскивает перчатки, снимает капюшон, расстёгивает куртку и разматывает... точнее просто чуть ослабляет шарф у себя на шее. Делает несколько шагов, оглядывая пустоватое помещение и, оценив обстановку, и даже уже приметив столик, подходит к кассиру.

Он думал что-нибудь съесть, но аппетита по-прежнему нет. Он чувствует себя скучно и тупо устало. Встретив ожидающий взгляд кассира и по совместительству официанта, он рассеянно заказывает чай... чёрный, например, с бергамотом, кладёт две ложки сахара в поданную чашку с кипятком и, так и не выбрав, что перекусить, решает, что не голоден.

И вот пока он заходит, расстёгивает куртку, проходит к прилавку, предполагая, что бы заказать, решая, говоря с кассиром, она, всё это время глядя на него, совершенно точно замечает, что у него вымокла куртка, что ботинки давно нечищены, брюки не глажены и что шарф накручен на шее аккуратно, но так, что видна бирка из-под ворота. И даже манжеты его голубой рубашки, чуть испачканные снизу синими чернилами – всё это она видит при одном поверхностном взгляде. А ей больше и не надо.

Он несет чашку, держа за блюдце, на котором она стоит, ещё раз примечает место и тут чувствует чей-то взгляд. Не направленный на него, но совершенно точно выхватывающий запроваженную им за ухо прядь волос, и он понимает, что его только что неожиданно застали врасплох вот таким вот

разглядыванием. Она застала его врасплох.

Неловко он садится за столик напротив неё и, глядя куда-то внутрь себя, осматривает свою рубашку, брюки, куртку и ботинки, проверяет перчатки, небрежно брошенные на край стола, и не знает, что, собственно, делать, раз его только что просканировали.

И именно в этот момент она поднимает к нему голову, отводя взгляд от продрогшего кофе. Он замирает с застрявшим в горле глотком чая и аккуратноенько опускает ложечку на край блюда.

Два взгляда: серо-желтых, как запутавшиеся одуванчики, глаз и синих, похожих на отражение в озере. Приподняв одну бровь, она смотрит на него и будто спрашивает о чем-то. А он, так и не проглотив свой горячий чай, неловко ёжится на стуле, вплотную придвинутому к такому же пластиковому столику, как и тот, за которым сидит она.

Наконец он проглатывает чай, на миг защипывает большим и указательным пальцами нижнюю губу и, не отводя взгляда, произносит:

– Можно к вам присесть?

Она вздрагивает от неожиданного звука голоса. Оглядывается по сторонам и возвращается взглядом к этому молодому человеку напротив.

Но столик пуст. Голоса на самом деле не было. И, как обычно, всё это произошло у неё в голове.

«Надо что-то с этим делать», – подумала она, залпом вы-

пила холодный кофе, поморщилась, и с тупым звоном поставила чашку на блюдце.

За стеклом витрины проехал трамвай. Пустой столик напротив зашатался, отражая рассеянный свет люстр, прикрепленных к потолку на длинных тонких проводах.

«Хоть бы снег, что ли, пошёл».

Она встала, намотала на шею шарф, въехала в рукава куртки и застегнула пуговицы. Взяв сумку, ещё раз кинула взгляд на столик напротив. Всё. Пошла.

– Можно к вам присесть?

– А... Ну да, конечно.

– Я вас сразу заметил. Вы, в самом деле, не против?

– Нет-нет. Что вы...

Хлопнула входная дверь. Звук улицы на мгновение нарушил тишину кафе. И только голос иностранца-мальчика, похожий на девчачий, пропал в пустоте одинокого воздуха.

«Очередь»

Сколько уже прошло времени?

Давно ли я здесь?

Ощущение времени и пространства исчезло напрочь. Я только вошёл в этот коридор, а в моей голове уже совершенно всё перепуталось.

– Простите, кто здесь последний?

Наверное, сто человек обернулись на меня и посмотрели как на идиота.

Никто не ответил, и лишь продолжился гул их голосов, наполняющий белый стерильный коридор.

– Кто последний в очереди? – немного рассердившись и уже громче спросил я. – Чего молчите?

– Непонятно, кто последний. По ходу дела разберёмся, – ответил коренастый мужик и откинулся на спинку кресла. Вид у него был утомлённо-раздражённый.

– Нормально...

Я встал около стены и обвёл коридор внимательным взглядом. Нет, кажется, не сотня – намного больше людей заполнили его. На другом конце его была высокая белая дверь, но она всё это время оставалась закрытой.

Большую часть коридора занимали очень старенькие бабульки. И каждая из них сжимала длинную ручку большой

сумки-тележки из грубой ткани.

«Почему в очередях всегда так много старушек?» – спросил я сам себя, но этот вопрос не имел ответа.

Сбоку разговаривали две женщины с детьми на руках. Глаза у них были усталые и настолько печальные, что мне, непонятно почему, стало ужасно стыдно. Дети их не слушались, капризничали и сидеть спокойно совершенно не собирались, но матери терпели это и продолжали разговор.

–...а пособие на ребёнка просто мизерное. Я не понимаю... это издевательство какое-то! Попробовали бы они сами что-нибудь купить на эти деньги!

– И не говори. Одна видимость. И ведь им не стыдно. Если бы Андрей не работал, не пахал как проклятый, мы бы с голодухи померли. Паршивцы поганые.

От них так веяло негативом и безысходностью, что мой стыд улетучился, и вместо этого стало как-то противно на душе.

Я решил поговорить с мужиком, который ответил на мой вопрос в самом начале. Пусть грубо, но он хотя бы что-то сказал.

– А вы давно здесь сидите?

– Ты бы лучше, вместо того чтобы попусту болтать, подготовился как следует. Чай не к терапевту на приём идёшь.

А к кому я иду?

Внезапно меня словно что-то схватило за лёгкие ледяными щупальцами.

Со стороны белой двери в мою сторону прошаркала старушка. Волосы у неё были растрёпанные, но чистые, башмаки на ногах – совсем стоптаны. Она была на кого-то очень сердита и бормотала себе под нос.

С того конца коридора послышалось:

– Вы что, всё? Больше не будете в очереди стоять? – молодая девушка закинула сумку на плечо.

– Да она глухая, не слышит ничего! – ответила ей женщина, очень полная и с такой миной, будто ей все должны.

– Да задержите её!

Я шагнул навстречу старушке и приостановил её за плечо.

– Вы уходите из очереди? – громко и чётко спросил я, настойчиво глядя ей в лицо, так, чтобы она могла прочесть по губам.

– А? – старушка загнула ухо и повернулась ко мне боком.

– Уходите, спрашиваю?!

– Я чайник на плите оставила...

Она двинулась в мою сторону, и мне пришлось отступить с её пути.

– Уходит, – пожал я плечами.

– Щас вы, да? – заговорила девушка с улыбочивым старичком. Тот кивнул.

Только сейчас я заметил, что девушка одета в винтажное платье в горошек. Оно ей очень шло.

Одна из матерей, держа ребёнка на руках, направилась к двери.

– А потом вы, да? – перехватив сына поудобнее, спросила она девушку.

– Нет, потом я, – строго и не допуская возражений, ответила тучная женщина.

– Можете меня с ребёнком пропустить? Он ещё маленький, руки уже болят... Даже место никто не уступает.

– А я тут при чём? Всё устали, – взъерепенилась толстуха. – Я тут с восемьдесят седьмого стою – и вы потёрпите.

– Женщина, садитесь на моё место, – молодой парень с ампутированной ногой и перебинтованной головой – судя по всему, солдат афганской войны – встал и проковылял на костылях туда, где раньше стояла мать с ребёнком. – Займите моё место в очереди.

Никто не стал с ним спорить, даже из вежливости.

Я смотрел на толстую женщину, и мне было стыдно за неё. Мамаша села на освободившееся место. Уместив сына на одном колене, она достала из сумочки газету и стала ею обмахиваться.

Прошло ещё сколько-то времени, а очередь не двигалась. Потом ещё... Мужик рядом со мной громко захрапел, и спортсмену, сидевшему на соседнем кресле, пришлось толкнуть его локтем.

Наконец дверь в конце коридора отворилась, и оттуда вышла заплаканная девушка в помятой белой рубашке. Похоже, студентка...

Она плакала, и тушь с её ресниц пачкала щёки и веки, а

слёзы всё катились...

– Что? Что сказали? – загудели люди в очереди.

– Не взя-я-яли-и-и...

– То есть, как не взяли? Почему? – уже в тишине спросила девушка в винтажном платье.

– Ребёнка родила, а замуж не вы-ы.. не вы-ы-ышла...

– Иди сюда, доченька, – улыбчивый старик притянул её к себе и крепко обнял, и стал гладить по голове.

– Это его дочь? – тихо спросил я женщину с ребёнком, оставшуюся стоять.

– Они вроде не знакомы, – растерянно ответила она.

Голос её дрожал, она смотрела себе под ноги, крепко прижав дочку к груди, и старалась успокоить дыхание.

– Следующий, – послышался гулкий командный мужской голос из открытой двери.

Я попытался туда заглянуть, но ничего не увидел.

Старик уже не улыбался как раньше. Он взял студентку под руку и сказал:

– Пойдём. Пойдём со мной. Не бойся.

Они оба вошли в кабинет, и дверь за ними закрылась.

Я всё ещё не пришёл в себя и не понял, что я тут делаю. Стало тихо, и слышно было только, как мамаша обмахивается газетой.

Через какое-то время старичок вышел из кабинета и, вновь улыбаясь, пошёл прочь. Все молчали, и он не сказал ни слова. Так и покинул белый коридор.

Время шло. Потом в кабинет вошла толстая женщина, и оттуда слышны были только приглушённый уверенный мужской голос и виноватый женский.

– Вот уроды... – процедил кто-то из толпы. – Люди и так страдают, а они и здесь не лучше. Всегда думала, что хоть на небесах будет справедливость...

Справедливость?

Даже я понимал, что это утопия. Утопия, которая не работала, в том числе «в самом лучшем месте».

Я сел на пол. Когда тот улыбочивый старик ушёл, но зато помог студентке, я осознал печаль самого человеческого существования. Разве можно было на что-то надеяться, когда достойные жертвовали собой ради помощи слабым, и их за это наказывали? Это было ещё более несправедливо, чем при жизни.

Лучше бы я сюда никогда не попадал...

В коридоре было тихо. Все погрузились в свои мысли. Я рассматривал свои ботинки. Мне ещё никогда не было так тоскливо.

– Простите. Зонт внизу, в приёмной оставил, – слышался знакомый пожилой голос.

Улыбочивый старик, чуть прищурившись, оглядел тех, кто стоял в очереди, неторопливо прошёлся по коридору и встал в конец очереди, рядом со мной. Все смотрели на него как на самое настоящее чудо, а он пожал плечами и лишь усмехнулся, явно отметив мой ошеломлённый вид.

Он недолго разглядывал потолок, на котором замигала неисправная люминесцентная лампа, а потом прикрыл глаза и замер. Как будто стоял тут давным-давно.

«День Святого Валентина»

Для меня он всегда был Днём клише. Цветы, вино и шоколад, признания в любви, неадекватные поступки...

Мне всегда казалось, что в любой другой день признание в любви звучало бы более искренне, чем сегодня – даже первого апреля.

Разглядывая благоухающие на весь вагон букеты и воркующих парочек, словно встретившихся после каторжной ссылки, я ехала в метро.

Было смехотворно-противно, и я погрузилась в музыку, что играла у меня в наушниках, чтобы не видеть всего этого праздничного спектакля.

Только не подумайте, что я бука или обижена на весь мир от собственного одиночества. На самом деле у меня всё отлично, просто я всегда считала, что лучше сказать человеку лично, что ты к нему чувствуешь, а не по сигналу календаря, чтобы не превращать любовь в показуху.

В общем, настроение у меня было, честно сказать, ироничное, и казалось, ничто не могло меня переубедить в данный момент: ни спустившиеся с небес ангелы, ни жертвенность Ромео и Джульетты.

Задумавшись, я неосознанно разглядывала людей напротив, но скорее не оценивая их, а в общем расфокусе. Прямо

передо мной две руки переплетали пальцы: на одном из них было обручальное кольцо, а мужская рука гладила женскую.

Я уже была готова отвести взгляд, чтобы не видеть подробностей романтики, но запоздало поняла, что это не просто мужская и женская рука, но руки пожилых людей.

Они были довольно милы, хорошо одеты и смотрели друг на друга не теми приторными взглядами, присущими свежеспечённому парочкам. Они будто обнимали друг друга мысленно, хотя просто держались за руки.

И тогда мне стало совестно за своё суждение о влюблённых в этот праздник. Я подумала о том, что существует много искренних пар, переживших «и горе, и радость», и всё равно оставшихся друг с другом, состарившихся рядом друг с другом.

Только я, было, убедила себя в ошибочном суждении, как мой изобретательный мозг выдал яркую и словно бы насмешливую картину:

Тихое спокойное утро. На календаре День Святого Валентина. Пожилая семейная пара просыпается на разных половинах дивана, умиротворённая и даже отчасти равнодушная друг к другу.

Муж со вздохом садится на диване, свешивает ноги с его края, нащупывая на полу тапочки, и вяло плетётся на кухню – ставить чайник.

– Дорогой!..

Именно так в моей голове всегда называет мужа средне-

статистическая женщина в семье среднего достатка и среднего положения в обществе.

Итак.

– Дорогой, заваришь мне кофе? – кричит она на кухню, хватая с прикроватной тумбочки очки, надевает их и слышит ответ мужа:

– Вставай и иди сюда завтракать. Чего расслабилась?

– Но сегодня же праздник. Может, хоть раз в году сделаешь для меня что-то приятное? Разве это так сложно? – обижается она.

И они вместе под стук тикающих часов пьют кофе (или чай), завтракают, привычно молча и погружённые в свои проблемы, которые лишь внешне кажутся общими, ведь они давно привыкли решать всё сами, поодиночке.

И тогда жена, уставшая от вечной нехватки внимания со стороны мужа, возьмёт его за руку, что он аж вздрогнет. Они посмотрят друг на друга вежливо-насторожёнными взглядами и придут к соглашению.

Каждый год в День Святого Валентина они будут вести себя как влюблённые: держаться за руки, дарить друг другу приятные мелочи, проводить вместе целый день.

Муж придёт домой пораньше, с букетом роз и конфетами – её любимыми. Она накроет на стол. На ужин будет запечённый цыплёнок с хрустящей корочкой на пышной подушке из сладкого картофеля, посыпанный зеленью и тмином. Пара салатов, нарезка, бутылка хорошего вина – чуть доро-

же, чем они обычно могут себе позволить.

Конечно, она зажжёт длинные свечи и наденет платье, которое ему нравится. Будет играть музыка их молодости, и запах её праздничных французских духов тонко окутает его, когда он обнимет её. Только на один день.

А утром они проснутся: растрёпанные, буднично-усталые, и муж поплетётся на кухню ставить чайник, а она по привычке нащупает на прикроватной тумбочке свои очки.

Я прожила целый день с пожилой семейной парой за пять минут внутри своей головы. Было как-то грустно оттого, что таких семей не одна, и это лишь общий образ любовной рутины. Тем, кто успел обзавестись детьми, повезло больше – как и тем, чьи дети ещё не успели покинуть родной дом.

А тем, кто остался жить наедине с мужем или женой? И такое молчание день ото дня всё глубже зарывает их чувства, и они просыпаются с надеждой лишь в День Святого Валентина, чтобы вернуть былую любовь хотя бы на один день? А кто-то и этого лишён?

Я снова посмотрела на пожилую пару напротив. Они выглядели счастливыми. Муж едва заметно поглаживал пальцы жены, и она пожимала его руку в ответ.

«Как хорошо всё-таки, что есть ещё настоящие чувства,» – подумала я, – «Чувства, которые не исчезли спустя многие годы. Вот это и есть истинная любовь».

Поезд прибыл к станции и остановился. Диктор, шурша динамиком, объявил название. Двери вагона открылись. По-

жилая пара поднялась со своих мест, всё ещё держась за руки. Насколько мгновений они, упираясь, тянули друг друга в разные стороны, потом словно бы ослабли, разочарованно выпустили чужие пальцы из своих ладоней и вышли в разные двери.